

Неюбилейные мысли накануне дня рождения

Галина Волчек: «Театр обязательно умрет»

Неделю назад - 2003
- 19 фев. - с 13, -14.

Галина Волчек: «Смысл жизни я вижу в ежедневном существовании».

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

Григорий Заславский

Не первый год Галина Волчек отмечает день рождения «в отъезде». Говорит, что день рождения – «личный праздник», что таким образом она, в частности, бежит от людской неестественности и неискренности. Так или иначе, никаких торжеств по случаю юбилея в «Современнике» не предполагается, однако накануне отъезда Галина Волчек согласилась поговорить с корреспондентом «НГ». Веселого разговора не вышло.

Галина Борисовна, вы сегодня хоть немного чувствуете себя актрисой?

– Нет, говорю честно, без лукавства. Моя работа поглотила во мне всё, все до того существовавшие инстинкты, кроме самых необходимых. Все силы идут на преодоление трудностей и сложностей, которые встречаются на моем ежедневном пути. Стало почти немислимо руководить театром сегодня.

– Потому что нет идеи, или потому, что ее вообще не может быть?

– Нет, не потому, что нет идеи, а потому, что идея не может возникнуть в кошмарной суете, в которой живет театральный человек. В силу реалий жизни он хочет сниматься в сериалах, заниматься антрепризным движением, зарабатывать деньги любым способом, чтобы прожить, прокормить семью... Причин много для этой суеты, но собрать артистов на репетицию, на спектакль становится все труднее. Если роль не главная, не большая, они прикрываются всяческими демагогическими доводами, ищут способ доказать, что это не нужно. Даже если бы воскрес Константин Сергеевич, и то дня на два в азарте бы прибежали, а дальше было бы то же самое.

– А что сегодня может удержать актера? Роль может его увлечь?

– Если он или она свободен от всего, что вокруг, – случаются пять минут, когда они освобождаются, – им хочется сыграть своего Гамлета и свою

Джульетту или еще что-нибудь подобное.

– Но – Гамлет...

– Конечно. Только.

– За 48 лет существования «Современника» идеи этого театра менялись или нет?

– Поменялась вся жизнь, все принципы. Менялись и какие-то организационные принципы, другое дело, что все тут взаимосвязано. Я, например, без конца ищущую молодую режиссуру не потому, что мне хочется в этом быть впереди планеты всей. Я ищущая с тех пор, как стала руководителем театра, потому что считаю, что театр, в который не вливаются молодая кровь и идеи молодых, не может не превратиться в музей. Он может быть живым только в борьбе противоположностей, только в соединении «если бы молодость знала, если бы старость могла». Это не дурак придумал. Конфликт между старым и новым поколением не только в том, что молодые говорят на жаргоне и хотят носить другие костюмы и прически, но – если говорить о театральных поколениях – он заключается в том, что одни не хотят смотреть вперед, а другие – оглянуться назад. А только в сочетании того и другого возможно нормальное движение вперед.

– Говорят, что смысл жизни приходит со временем...

– Он состоит для меня не в его изречении, не в формулировке для себя под одеялом, а в том, куда, как я бегу – бегу, иду, это уж от темперамента, а внутренней природы, – с кем бегу, зачем, что хочу по пути сделать, кого хочу забрать с собой в этом беге или оставить по пути, чем хочу увлечь, заразить, чем хочу заставить улыбнуться или задуматься 800 человек каждый вечер. Смысл жизни я вижу в ежедневном существовании.

– Была ли у вас возможность хотя бы раз убедиться в том, что что-то движет вашими поступками, что-то выше нас, как у Бродского – «что-то выше нас проплывает и гаснет»?

– Я не хотела бы оперировать такими понятиями, но я верю в высший разум. Почти во всех спектаклях есть художественный ответ на этот вопрос.

– А из тех спектаклей, которые сейчас идут, какой наи-

более соответствует вашему сегодняшнему внутреннему состоянию?

– Никакой в отдельности.

– А сцены какие-то?

– Это зависит и от настроения. Есть сцена, допустим, которую я не то чтобы люблю смотреть, хожу и получаю от этого удовольствие, – я просто напоминаю себе, предположим, о том, как она рождалась – парадоксально, трудно или даже вообще невероятно для меня лично. Я не трубила, ни с кем даже не делилась, но я-то знаю, как мучилась до того, как это просто разрядилось и разрешилось. А если говорить о настроении сегодняшнем, задумываюсь ли я, например, о том, близок ли там конец... Нет,

Я верю только во взаимную любовь

не хочу об этом задумываться. Я бегу по жизни. Если бы не физическая одышка – бежала бы еще быстрее. У меня есть замечательная артистка, например, которая бежит таким скоростным бегом, не думая о том, что может споткнуться, упасть, разбиться. Она бежит, потому что хочет все успеть, хватается одно, другое, третье. Она не из тех, кто хватается ради денег. Это ненасытность творческого человека, но отчаянная ненасытность и желание схватить все. Мой бег по жизни иногда бывает небыстрым, иногда почти шагом, а иногда я сижу на стуле и... бегу при этом. Внутренне я все равно двигаюсь вперед. Мне интересно, что будет завтра, как я смогу победить вот эту ситуацию, что буду делать через год. Может, я себя обманываю, может, этого года и не будет в жизни, но я живу так.

– Когда у вас не получается, допустим, задуманный спектакль, как вы возвращаетесь к жизни, отключаетесь?

– Сейчас я долго не отключаюсь. Так случилось, что я не сумела воплотить то, что задумала...

– Это «Коза» Олби?

– Да, внутренне я почти поставила спектакль, если бы я не дошла до этой стадии беременности, то мне, наверное, не было бы так

трудно пережить этот факт, эти неслучившиеся роды. Плюс каждодневные заботы в виде замен, отмен спектаклей, чудовищной невозможности составить репертуар, потому что одни летают, другие снимаются, четвертые уезжают. И всех мне жалко, и тех, кто непосредственно за это отвечает, особенно завтрупшой... Это стало немислимой работой, это так отчуждает от твоей любви к театру как к институту.

– Время от времени приходит театральным реформаторам идея уйти, взяв с собой небольшую группу единомышленников. Наверное, в «Современнике» остался кто-то, кого можно назвать идеалистами, и не только из числа

первооснователей, которые начинали театр?

– Не кто-то, а очень многие, но они тоже, как мы все – я же не говорю они, я говорю мы, – оказались в новой, непривычной для нас ситуации, в которой приоритеты поменялись. Во все времена артисты вынуждены были подрабатывать, но приоритеты были незыблемы. Театр был чем-то особенным в душе каждого актера, а сейчас особенным стала съемка, передача, антреприза, которая дает гораздо больше денег, чем театр. Я абсолютно верю в искренность каждого артиста, я их люблю, и они, надеюсь, меня любят. Этот термин любовь-ненависть для меня очень понятный и близкий. И они иногда меня ненавидят, но любят. Я знаю абсолютно точно, что они хорошо ко мне относятся, а я к ним – тем более. Но я искренне говорю то, что есть.

– Или что-то изменится, или умрет театр...

– Театр умрет обязательно. И не только репертуарный. Я выросла под аккомпанемент разговоров про кризис в театре, я слышала это в начале шестидесятых. Мы начали «Современник» под этот стройный хор: кризис, кризис, кризис. Потом семидесятые, восьмидесятые, девяностые – и

каждый раз: кризис, кризис, кризис. Сейчас вроде кризис миновал у тех, кто думает, что имеет медиавласть, они вроде кризиса не объявляют, но я для себя объявляю. Я впервые это почувствовала кожей и думаю, что театр умрет. Не «Современнику», а вообще театр, в том понимании, в котором мы его застали. Пройдет много времени, потраченого на всякую пустоту и ерунду, которую будут объявлять и называть театром, а потом, не знаю через какое время – я не оракул, на этом пепелище будет какой-нибудь художественный бунт, из которого родится настоящий театр.

– На площади, как когда-то?

– Не знаю. Говорю лишь, как я этот кризис понимаю.

– Из многочисленных легенд «Современника» какая вам наиболее дорога и в разрушении какой вы наименее заинтересованы?

– Про которую я только что говорила. Ее разрушение идет изнутри, часто невидимо. Стало легко заменить один спектакль на другой, когда актер себя плохо чувствует. Все реже и реже можно увидеть жертвенность, когда с температурой играют, как раньше. Все реже можно наблюдать внутреннюю жизнь театра, которая тоже была чем-то необходимым – капустники, веселье и так далее...

– Вы продержались дольше всех, капустники у вас до сих пор.

– Ну, надо объективно задуматься, почему. Почему у зрителей есть до сих пор доверие к «Современнику», почему у нас до сих пор сильная труппа. Это вопросы к тем, кто давно объявил смерть этому театру, объявил его несуществующим, несомненным. Это все я пережила, приняла и от себя откинула. А когда это воздействует на какие-то внутренние процессы – это ужасно. Я давно кому-то сказала: «Вы все перепробовали, попробуйте крысиный яд, говорят, помогает». Балансом для меня всегда было внутреннее. Я и сейчас верю, что, если произойдет какой-то экстрим, мы соберемся на какой-то миг. Но – на миг.

– Когда вы хотите поднять настроение, вы вспоминаете что было хорошего? Окончание на стр. 14